

ИЗ ИСТОРИИ ИДЕЙ, ПОНЯТИЙ, ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Н. А. СЕЛУНСКАЯ

CIVITAS VS SUMPTUS: КОНТИНУИТЕТ, КРИЗИСЫ, ЗАКОНЫ ПРОТИВ РОСКОШИ В ТРАДИЦИИ ГРАЖДАНСКОЙ ОБЩИНЫ ИТАЛИИ¹

Одно из центральных понятий в изучении цивилизации латинского Запада, отличительная особенность европейской истории — *civitas*, городская община, члены которой являются не только горожанами, но и гражданами. Очевидно, что столь сложный организм как (гражданская) община во всем многообразии ее форм невозможно представить, не выяснив, каковы были потребности общины, какие траты она производила для поддержания того образа жизни, который был ей присущ (точнее, приписывается ей как некоему идеальному типу и сохраняется в мифологии исторической памяти).

В данной статье дается систематизированный анализ подходов к изучению истории регламентирования роскоши в общинах итальянских земель от Античности до Возрождения и в этой перспективе рассмотрены проблемы континуитета, кризиса и их отражений в традиции и риторике законодательства. Разнообразные меры, направленные на обуздание роскоши в древнем Риме, получили название *leges sumptuariae*, и этот термин (или его калька на итальянском) использовался для обозначения аналогичных мер, предпринимавшихся в период средневековья с XIII в. (*leggi suntuarie*).

Эволюция сумптуарного законодательства, его отражение в исторической памяти, проблемы ре-актуализации и мифологизации данной идеи заслуживают внимания не столько историков права,

¹ Статья выполнена в рамках проекта «Кризисы переломных эпох в мифологии исторической памяти» по программе ОИФН РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов».

сколько тех, кто изучает интеллектуальную историю, а также социальное устройство и общественные институты.

Поскольку «поведение и действия людей не обусловлены непосредственно действительностью, они обусловлены ее образами, которые составили себе люди и которые управляют их действиями» (Ж. Дюби)², то в первую очередь следует изучать именно эти представления и образы и относящиеся к ним общепринятые правовые нормы, связанные со стереотипным или нормативным восприятием привилегий и обязанностей, роскоши, достоинства и знатности, и другие исторически изменчивые представления, принятые в социуме.

Естественно, что и вопрос о социокультурных трансформациях, кризисах в развитии общины и самой идеи *civitas* (цивитас) связаны с изменениями представлений о должной и недолжной роскоши, что проблема отношения к роскоши служит показателем и спутником кризисных и переломных моментов в истории общины (наиболее документированным это наследие сохранялось на итальянской земле).

Легко предположить, что вопросы отношения к роскоши обостряются в общине именно в переломные периоды истории. Но не менее логичным выглядит и утверждение, что на самом пике кризиса некоторые противоречия и социальная напряженность снимаются и отступают в область дальней памяти, чтобы активизироваться или ре-актуализироваться в совершенно ином контексте. Речь, разумеется, идет не только о кризисах как моментах упадка, но именно о структурных перестройках общества (в т.ч. на пике процветания и обогащения социума). Возможности судить об этих переломных моментах раскрываются при анализе сдвигов в общественном сознании в соответствующие периоды трансформации представлений о роскоши, разумных и неразумных тратах, статусных показателях и атрибутах.

Притом, что тема исследования законов против роскоши является традиционной как для западной медиевистики, так и для антиковедения (в России ситуация иная — совершенно игнорируется вопрос о законах против роскоши в итальянистике относительно средневекового периода и единичны работы по этой теме для истории Древнего Рима), такой постановки вопроса о восприятии традиции борьбы против роскоши и ее ре-актуализации с точки зрения

² *Duby G. Histoire sociale et idéologie des sociétés / J. Le Goff, P. Nora (Ed.) Faire de l'histoire. T. 1: Nouveaux problèmes. P., 1974. P. 148.*

исследования менталитета, исторической памяти и мифологии — в историографии нет. Поэтому автор берет на себя задачу исследования новых подходов к данной теме и традиционным для ее изучения источникам (в основном правового характера). Мы будем рассматривать тему законов против роскоши в истории *civitas* на итальянской земле как некий «бродячий сюжет» и рассмотрим разные способы его раскрытия в различных исторических контекстах.

Для исследования данных проблем необходимо конкретизировать некоторые базовые понятия и вопросы. Что такое роскошь? По некоторым представлениям — это явление, имеющее совершенно четкое социальное и экономическое определение, связанное с резким и неожиданным ростом доходов определенных, весьма узких слоев населения, не имевших до того высокого достатка.

Вопрос о том, какие проблемы таит в себе понятие роскоши (*sumptus*) не так прост, особенно, если рассматривать эволюцию его восприятия в периоде большой длительности от Античности до Ренессанса. К тратам, которые связывались с понятием *sumptus*, относили издержки на погребение, строительство богато отделанных зданий, судебные расходы, пиры и отдельные виды лакомств, одежды и отдельные элементы платья, украшения и благовония и др. Но возможна и иная точка зрения — представления о роскоши настолько переменчивы и неуловимы, что нужно рассматривать каждый из случаев злоупотребления, излишних трат и демонстрации роскоши отдельно в том или ином своеобразном историческом контексте.

Вслед за Тацитом, законотворцам, пытавшимся обуздать роскошь, как и ученым нашего времени, изучающим историю роскоши и борьбы с ней, оставалось лишь вопрошать: «Что запретить или ограничить, возвращаясь к прежним обычаям? Огромные размеры загородных поместий? Число рабов и их принадлежность к множеству различных племен? Вес золотой и серебряной утвари? Чудеса, созданные в бронзе и картинах? Одинаковые одеяния мужчин и женщин или пристрастия одних только женщин?» (Тас. *Ann.* III. 53).

Приведенный пассаж сочинения популярного античного автора наводит на несколько соображений. Во-первых, хотя бы риторически, запреты роскоши и попытки ее ограничивать мотивировались моралистами как возможность возврата к золотому прошлому общины, к праведной жизни без излишеств. Этот мотив, как призыв к

изначальной простоте и гармонии может использоваться в различных исторических переходных ситуациях, переживаемых цивилизацией. Кроме того, здесь встает вопрос о связи идей моралистов и законодателей эпохи, будь то христианская или до-христианская мораль, при традиционной особой озабоченности ревнителей нравственности всех эпох поведением и пристрастиями женщин.

Другой важный момент, к которому мы подходим — это разнообразие объектов регламентации, связанных с узким или расширительным толкованием роскоши. Список примеров роскошного образа жизни можно продолжить, используя материалы нарративов и визуальные источники, что и делает ряд современных исследователей, например, канадский историк Эндрю Долби в работе, посвященной роскоши и привилегиям в Римской империи, или — относительно итальянского средневековья — Мария Джузеппина Муццарелли³.

Каждый из этих объектов, призванных к демонстрации роскоши, может быть интересен для историков костюма и искусствоведов, занимающихся изображениями, либо для специалистов-археологов, изыскивающих артефакты, связанные с погребениями или пирами и т.д. Особую сюжетную линию будут составлять собственно попытки изучения мер, законов, принимаемых общиной в целях борьбы против роскоши. Такую пеструю картину и представляет собой историография темы роскоши и борьбы с излишествами среди членов общины, как рядовых, так и принадлежащих к элите. Особый блок вопросов связан с исследованиями мотивов регламентации в гендерной перспективе, которые успешно развиваются.

Вот почему кажется методологически важным указать на то, что роскошь характеризуют или представляют собой траты, которые используются на какую-либо вещь или предприятие, а не объекты как таковые⁴. Это позволит не расплывать исследование роскоши по предметам и маргинальным деталям. Что касается исторических источников, по которым мы можем представить себе воззрения относительно роскоши, бытовавшие в то или иное время, то важное место среди таких свидетельств принадлежит именно законам, т.е. не

³ Dalby A. *Empire of Pleasures. Luxury and Indulgence in the Roman World*. L.; N.Y., 2000; Muzzarelli M. G. *Gli inganni delle apparenze*. Torino, 1996.

⁴ Kübler B. *Sumptus* // RE. Bd 7. Stuttgart, 1960. S. 901.

просто моральным, но правовым нормам, которые создавались в процессе развития *цивитас* на итальянских землях.

Не у всех народов роскошь воспринималась как нечто предосудительное. В некоторых обществах против роскоши выступали религиозные авторитеты или отдельные морализаторы. И лишь в особых случаях мы можем увидеть серьезные усилия, направленные против роскоши, подрывающей основы стабильности общины, причем облеченные в форму закона, проводимого светскими властями.

Именно правовые установления кажутся удачным фокусом исследования проблемы переходных моментов в развитии итальянской *цивитас* от Древнего Рима до Возрождения. Законы против роскоши, проще говоря, являются техническим индикатором общин, основанных на принципе *res publica*, и в то же время отражением многих сторон жизни той общины, которая принимает правовые ограничения и самоограничения для дальнейшего своего развития.

Однако чисто правоведческий взгляд не может объяснить важных исторических вопросов — например, почему в традиции существования *цивитас* от Древнего Рима к Средневековью возникла многовековая цезура правового преследования роскоши. Почему Западная и Восточная Империи, равно причастные к правовым традициям Рима (при даже более успешном сохранении и рецепции римского права в Византии), демонстрируют отнюдь не схожие картины правового реагирования на роскошь. Рассматривая вопрос с точки зрения истории права, исследователь не в состоянии объяснить возрождение законов против роскоши в итальянских средневековых общинах (при знакомстве с упоминаниями о них только в нарративах) и отсутствие законов против роскоши в Византии зрелого периода, несмотря на то, что Кодекс Феодосия содержал сумптуарные нормы и теоретически они могли быть использованы правовой мыслью новой эпохи.

Если же принимать во внимание более сложную систему взаимодействия социальных полей, то развитие законов против роскоши, включенное в развитие *цивитас*, служит особым маркером динамики социальных процессов. Важные особенности организации общины и ее институтов, формирования элиты этой общины, понимания права в тот или иной период, в различных социумах становятся понятными при рассмотрении темы «роскошь и отношение к ней».

История форм гражданской жизни и история права — это основные направления историографии, которые проявились в век первых попыток научного изучения средневековой коммуны и остаются основными по сей день. При этом характеристики как той, так и другой ветви гуманитарных исследований диаметрально изменились. В XIX в. понятие *civil history* подразумевало скорее изучение общих и внешних форм социального развития, некие генерализации закономерностей этого развития. Направление *legal history* предлагало другую альтернативу — детализированного историко-правового интерпретирования объектов. Затем соотношение анализа и синтеза в исторических исследованиях и правовой мысли кардинально изменилось. Гораздо медленнее менялось отношение к роли античной общины и всей античной цивилизации и вклада средневекового общества в развитие цивилизационных традиций.

Не упуская случая рассматривать некоторые любопытные переключки реплик мыслителей разных времен по поводу *civitas* и законов по обузданию роскоши, я предполагаю сосредоточить усилия на изучении развития *civitas* — точнее, кризисов и переходных моментов этого развития — в связи с борьбой против роскоши.

Итак, начнем с постулата о том, что именно общины древнего Рима и средневековые общины Италии представляют собой особый материал для исторического сравнения: демонстрируют глубинные взаимосвязи и общие черты, но также и различия. Эта особенность обусловлена т.н. проблемой континуитета социальной жизни латинизированного мира Европы как наследницы античного Рима.

Кратко суммируя наиболее известные, но и наиболее важные для дальнейшего изложения тезисы, можно указать на то, что термин *civitas* в Средневековье обозначал и сам город (обычно центр епископии), и общину полноправных горожан⁵. Термин *comune* (коммуна — от вульгаризированной формы *comunio*, *comunia* — общий) чисто средневековый, появляющийся в источниках только после рубежа тысячелетий. При этом термин *civitas* не вытесняется им совершенно, но употребляется все реже. Начинает складываться

⁵ Представление о *civitas* как о совокупности сограждан, а не просто как о граде, четко прослеживается у такого первостепенного для средневекового латинского мира автора, как Августин.

историография изучения терминологических проблем, в частности, словоупотребления *civitas* в средневековой документации.

При анализе вопроса о появлении коммуны используют в основном правовую документацию. Но в нотариальной практике сохранялась традиция употребления термина *civitas*, и использование неологизма *comune* было более редким. В любом случае, употребление нового термина можно считать лишь показателем изменения «моды» письменной культуры с тяготением к вольгаре (литературной версии народного итальянского наречия), но не доказано, что с трансформацией вокабуляра писцов и нотариусов корреспондировались социальные изменения общины. Использование чисто терминологического индикатора, однако, послужило укреплению мифологизированной картины качественных сдвигов в развитии городской общины итальянского средневековья⁶. Но историки не остановились на этой компромиссной формулировке. Р. Бордоне, Х. Келлер, Дж. Табакко подчеркивали плавный характер процесса становления общины как общины гражданского и политического характера, т.е. коммуны. Принципиально важно, что мода на латинизированные или вольгаризированные формы приобретала в глазах исследователей роль индикатора некоторых глубинных трансформаций⁷.

Однако представляется, что такой путь исследования позволяет продемонстрировать эрудицию в большей степени, чем сфокусироваться на заявленной проблеме. Исследование же моды на роскошь и активизации борьбы против роскоши выявляет некий суммарный показатель, гораздо теснее связанный с трансформациями общественного сознания, чем показатель использования терминов в письменном протоколе, на который ориентировалось ничтожное меньшинство представителей коммуны, в основном нотариусы.

Недостаточную достоверность взаимосвязей терминологических и социальных трансформаций можно компенсировать использованием других индикаторов, связанных со сферой менталитета. Среди взаимных проекций социального мира и мира идей правовые

⁶ Имеется в виду историография вопроса о переходе от *civitas* к коммуне.

⁷ Приоритет разработки соотношения этих двух терминов в правовых документах городского происхождения, скорее всего, принадлежит итальянскому исследователю О. Банти. *Banti O. Civitas e commune nelle fonti italiane dei secoli XI e XII // Forme di potere e strutture sociali. P. 217-231.*

сюжеты занимают особое место. Надо отметить, что нормы и идеалы той или иной эпохи, отраженные в обычае и письменном праве, не только составляют важный объект исторического исследования, но и предопределяют специфику ре-конструирования правотворчества и правосознания как исторического объекта: социальный историк трактует этот материал и ставит вопросы иначе, чем историк права.

При этом явлению рецепции римского права (или, скорее, историографии рецепции права) следует приписать особую роль в создании представлений, или точнее говоря, исторических мифов о континуитете античности. Как справедливо отметила С. Рейнольдс, роль традиции римского права чересчур преувеличивается, во всех случаях, когда с ее помощью пытаются объяснить рационализм принципов построения городской жизни средневековья⁸. Этот момент необходимо учитывать при анализе мифологии исторической памяти в исторических исследованиях. По мнению же автора данной статьи, возможно лишь рассматривать законы против роскоши как некий рациональный компонент социальной организации, присущий и общинам Древнего Рима и общинам итальянского средневековья.

Тем не менее, несомненно, что письменное право совершенно особого вида играло огромную роль в жизни самоуправляющихся (или частично самоуправляющихся) общин, как античного, так и средневекового мира. Но в то же время нельзя игнорировать и то, что попытки законодательной борьбы с роскошью появляются в Италии в период наиболее интенсивного интереса к ее социальному прошлому со стороны образованных элит, прилежного чтения классических авторов, сохранивших описания данных законов Древнего Рима в кругу тех, кто принадлежал к такой социально-статусной группе, как круг судей, нотариусов, законодателей и административных лиц итальянских общин на пороге эпохи Ренессанса.

Возникает вопрос: что дали развитию гражданской традиции эти опыты, и шире, что дало античное наследие борьбы с роскошью развитию *цивитас* Средневековья и Возрождения? Насколько взаимосвязаны феномены законодательного ограничения роскоши, проявившиеся в античности и средневековье и в период Возрождения? Насколько риторическими были отсылки к античному наследию?

⁸ Reynolds S. Kingdoms and communities in Western Europe. 2000. P. 216.

Проследим несколько моментов в истории зарождения законов против роскоши, которым, как правило, не уделяют никакого внимания медиевисты, ограничиваясь абстрактным упоминанием «античного наследия».

Законы, которые имели целью регулировать чрезмерные траты и демонстрацию роскоши в древнем Риме, издавались с конца III в. до н.э. — с драматического момента истории римского государства, вступившего в новый этап развития, ознаменованный войной с Карфагеном. Первоначальные меры были в основном связаны с украшениями и одеждой, затем стали превалировать вопросы организации пиров и приобретения дорогостоящих кушаний, и, наконец, законодатели вновь сфокусировали внимание на неразумных тратах, шедших на платье и ювелирные изделия.

С 215 г. до н.э. римским женщинам запрещалось иметь украшения весом больше, чем пол-унции золота, а также носить одежды, окрашенные в пурпур и другие цвета (Liv. 34.1-2). Закон был принят в разгар Второй Пунической войны, вскоре после катастрофы в битве при Каннах, когда римские власти стремились ограничить нерациональные траты⁹. *Lex Oppia*, пожалуй, единственный конкретный пример сумптуариев Рима, на который ссылаются исследователи истории средневекового костюма, истории женщин, специалисты, изучающие средневековые законы против роскоши. Забегая вперед, можно объяснить это предпочтение и внимание медиевистов тем, что в средневековье на итальянской земле особым образом регламентировалось излишество в украшениях и платье, и тем сходным обстоятельством, что средневековые законодатели концентрировали внимание на обуздании демонстрации роскоши со стороны женщин.

Возвращаясь к первому известному нам закону против роскоши в Риме, надо отметить, что двадцать лет спустя, в 195 г. до н.э., закон Оппия был упразднен по настоятельным просьбам римских матрон. Однако в дальнейшем законодательные ограничения в области борьбы с роскошью были подкреплены установлением высоких налогов на ношение драгоценностей и богатого платья, введенных цензором Марком Порцием Катонем в 184 г. до н.э.¹⁰

⁹ Квашин В. А. Законы о роскоши в Древнем Риме эпохи Пунических войн. Вологда, 2006. С. 85.

¹⁰ Kübler B. *Sumptus* // RE. Bd 7. Stuttgart, 1960. S. 904.

Основная часть законов о роскоши республиканского времени после Второй Пунической войны была направлена на ограничение расходов на пиры. Так, в 161 г. до н.э., по инициативе консула Гая Фанния Страбона, был принят Фанниев закон (*lex Fannia sumptuaria*), ограничивавший расходы на пиры 100 ассами в праздники и 10 ассами в обычные дни, а также предписавший ограничить число гостей (не более 3-5 человек. (Macrob. Sat. III.17; Gell. II, 24)¹¹.

Как реакция на нарушение закона Фанния в 143 г. до н.э. был принят закон Тита Диция (*lex Didia sumptuaria*), он распространял действие закона Фанния на территорию всей Италии и привлекал к ответственности не только устроителей пира, но и гостей (Macrob. Sat. III.17)¹². В 131 г. до н.э. был принят закон, предложенный консулом Публием Лицинием Крассом Дивесом Муцианом — *lex Licinia sumptuaria* (Gell. II, 24). Этот закон разрешал в дни календ, нон и нундин тратить на еду 30 ассов, а в остальные дни потреблять не более 3 фунтов (около 980 гр.) сухого и копченого и 1 фунта (327,4 гр.) соленого мяса. Количество плодов земли при этом не регламентировалось¹³. *Lex Aemilia sumptuaria*, дата которого, согласно привязке к двум различным консульствам, определяется 115 г. или 78 г. до н.э., был, как и предшествующие законы, направлен на ограничение расходов на дорогие продукты (Gell. II, 24; Plin. NH. 8. 82).

Специалисты по истории Средних веков и Ренессанса не обращаются к этому материалу, так как не видят в нем прямых аналогий со средневековыми ограничениями роскоши в итальянских общинах по объекту регламентации. Но для общей оценки сумптуариев как способа реагирования на социальные трансформации этот блок мер показателен. Несомненно, при более широкой постановке вопроса, здесь есть общее поле исследований для медиевиста и антиковеда, особенно для тех, кто изучает эволюцию и трансформацию элит.

Можно придать законам против роскоши II в. до н.э. (*leges sumptuariae*) такой смысл, как отражение социальных изменений, перемены «климата» общины, происходившего, в первую очередь в среде знатных семейств, отказа от традиционного патриархального

¹¹ Квашиин В. А. Законы о роскоши в Древнем Риме... С. 110.

¹² Там же. С. 112.

¹³ Там же. С. 112 сл.

образа жизни¹⁴. Однако наиболее дальновидная часть римского правящего круга, элиты не могла не понимать опасности расшатывания тех моральных устоев, на которых была основана римская *civitas*. Поэтому законы о роскоши принимались по инициативе или при поддержке представителей знати и одновременно затрагивали интересы родовитой и зажиточной части римской общины.

Установленные в Древнеримском государстве ограничения затрагивали дорогостоящие продукты и вина, импортировавшиеся в Рим, а также возникшую в среде знати привычку к частым пирам с большим количеством приглашенных гостей, что вело к подмене истинно общественных интересов групповыми¹⁵.

Помимо законов, направленных на борьбу с дорогостоящими пирами, существовали законы, ограничивающие расходы на погребения, неразумные издержки для увековечивания и прославления рода, например закон *lex Cornelia*, принятый диктатором Суллой в 81 г. до н.э. (Amm.Marc. 16.5; Gell. II, 24)¹⁶.

Показателен *lex Antia sumptuaria*, который был принят народным трибуном Гаем Анцием Рестием приблизительно в 70-68 гг. до н.э., осуждавший должностных лиц республики, предававшихся излишествам. Согласно этому закону, всем, кроме магистратов и стремившихся к этой должности, запрещалось тратить больше установленной суммы на званые обеды (Macrob. Sat. III.17; Gell. II, 24).

Закон Цезаря от 46 г. до н.э. (*lex Iulia sumptuaria*) запрещал ношение шелковых и пурпурных одежд, а также жемчуга, за некоторыми исключениями (для определенных лиц в специально оговоренные дни). (Cic. Att. 13.7; Cass. Dio. 43.25; Div.Iul.43).

Попытки проведения законов против роскоши предпринимались и в период Принципата. Так, Август издал в 18 г. до н.э. закон, согласно которому расходы на пиры, не должны были превышать в будние дни 200, а в праздничные дни — 300 сестерциев, на свадьбы и на продление празднования на следующий день — не более 1000 сестерциев (Gell. II, 24; Suet. Aug. 34.1. Tac. Ann. III. 53-54).

¹⁴ Kübler B. *Sumptus*. S. 906.

¹⁵ Утченко С. Л. Две шкалы римской системы ценностей // ВДИ. 1972. № 4. С. 62. Штаерман Е. М. История крестьянства в древнем Риме. М., 1996. С. 63.

¹⁶ Kübler B. *Sumptus*. S. 907.

Преемник Августа, император Тиберий в 16 г. н.э. ввел запрет на использование золотой посуды во время трапезы, а Адриан повторил попытки ввести ограничение трат на пиры (Vit. Hadr. 22.5). Тиберий ввел также запрет на ношение шелковых одежд для мужчин (Cass.Dio. 57.15.1). Запрет ношения пурпурных и шелковых одежд вводились также единичными эдиктами Нерона (Suet. Ner. 32), Веспасиана (Tac. Ann. III. 55).

Законодательство, разумеется, не передает картину того, как складывалась ситуация «на самом деле». Законотворчество показывает нам господствовавшие топоры сознания, или, иначе говоря, законодательство выражало и отражало, прежде всего, настроения, господствовавшие в широких слоях общины, которые могли использоваться в популистских целях. Это как бы полисная, республиканская идеология борьбы с роскошью. Так называемые законы против роскоши становились даже орудием против демографического кризиса — для стимуляции брака разрешением на украшения. Аналогом налога на бездетность — можно считать и запрет на украшения из жемчуга для бездетных и безбрачных. Есть в античном наследии и другая струя, направленная на борьбу с роскошью как с излишними тратами для избранных семейств и отдельных общин, в том числе обладавших высшим статусом, но подвергавших опасности собственное благосостояние, с точки зрения центральной власти. И наконец, со времен античности существовала и особая трактовка роскоши как статусного отличия, например, идея особых одежд для каждого сословия появилась в период империи в правление Северов¹⁷, что также подчеркивается медиевистами, поскольку коррелируется с традиционным средневековым иерархическим видением.

При углубленном рассмотрении истории сумптуариев, становится, однако, очевидным, что весьма опасно выделять некоторые моменты истории сумптуариев с целью подыскать аналогии между античностью и средневековьем. Причем совершенно невозможно говорить о каком бы то ни было целостном образе действия античных законодателей против роскоши, о готовом рецепте античности, который средневековье могло бы получить в качестве предписания. Напротив, мы имеем дело с разновекторными усилиями и несхожи-

¹⁷ Muzzarelli M. G. Op. cit. P. 99.

ми историческими контекстами, равным образом представляющими так называемую «античность»: *civitas* различным образом трактует и преследует роскошь в эпоху Республики III–I вв. до н.э. и в т.н. период Поздней республики; сурптуарии и гонение на роскошь в период Принципата несколько отличны от мер контроля и надзора над роскошью в эпоху зрелости Империи, при этом речь идет о частных и публичных лицах, индивидуальном и коллективном статусе, об издержках общин в целом.

Показательно, что не только каждая эпоха, но и выделяемый историками период, и даже сколько-нибудь значительное правление оставили в истории собственное сурптуарное законодательство. Никаких прямых заимствований из античных законов против роскоши средневековые законодатели при всем желании не могли почерпнуть ввиду отсутствия основного массива оригинальных текстов и смены конкретных объектов, выражавших злоупотребление богатством и демонстрацией роскошного образа жизни. Но это не значит, что медиевист не должен уделять внимание перечисленным сюжетам.

Что касается действенности законодательства, то сам перечень попыток обуздать роскошь свидетельствует об их неэффективности в свое время. Что же касается воздействия этих законов на умы средневековых потомков, то достаточно обратить внимание на то, что упоминания и пересказы сурптуариев содержат все популярные сочинения античных классиков, наследие которых актуализируется именно в прото-Ренессансную эпоху, т.е. в период активного социального и институционального строительства, предпринятого городами-общинами, свободными и зависимыми республиками XIII–XV вв.

Роскошь как объект ограничения выступает в период трансформации городской общины XIII – начала XIV вв. (за исключением единственного примера середины XII века, все первые образцы сурптуарного права средневековья датируются второй половиной XIII века и Треченто — но еще до времени эпидемий):

Первое ограничение роскоши в процветающих морских республиках (Генуя, середина XII века). Приток роскоши и правовые нормы 1157 г.

Пиза 1258–1261 гг. *Breve Pisani comunis* 1286 г. *Breve Consulum Mercatorum* 1305 г.

Также в Тоскане осуществлялась борьба с роскошью в рамках антимагнатского законодательства, примерами служат постановления, которые приняли Флоренция (1292 г.) и Сиена (1250–1260 гг.).

С конца XIII по конец XIV вв. законодательные меры направленные против проявлений роскошного образа жизни, прежде всего в виде регламентации дорогостоящих деталей костюма и украшений, в той или иной форме принимают практически все городские общины (коммуны) Севера и Центра. Интересно, что величина и значение городской общины никак прямо не увязывались со скоростью приобщения к традиции сумптуариев. Так, крупная и древняя коммуна Милана принимает законы против роскоши относительно поздно, только в конце эпохи Треченто.

Отношение к роскоши после «черной смерти» и кризис Треченто зафиксированы особым образом и в кодификации сумптуарных законов (*sumptuariae*), и в их интеграции в общегородское законодательство. Именно в этот период городские статуты начинают включать статьи против роскоши в одежде и украшениях. Городские хроники также не умалчивают о попытках введения регламентации излишеств, прежде всего в женском платье и драгоценностях.

Так, Джованни Виллани поневоле и вдвойне оказался ценным свидетелем борьбы против роскоши. Сам по себе род Виллани был ориентирован на допустимость демонстрации богатства как статусной привилегии, и в хрониках должны были содержаться отражения этой идеологии и проявляться внимание к теме сумптуариев. Кроме того, вторая жена Джованни Виллани в 1327 г. нарушила закон против роскоши. Этим происшествием объясняется, вероятно, и общий тон хрониста, и особые замечания — то место в кн. X, где говорится, что «неумеренные желания женщин берут верх над мужским здравомыслием». Также в книге XI, описывая события 1330 года, хронист не только подробнейшим образом описывает модные детали костюма и манеры украшать себя, овладевшие сердцами женщин Флоренции (одежды из шелка, жемчужные украшения, серебряные пуговицы, гирлянды и короны, драгоценные камни с различными знаками и буквами), но приводит точное время прихода этой особой моды¹⁸.

¹⁸ *Villani Giovanni*. Nuova Cronica / Ed. Critica a cura di Porta G. 3 voll. Parma, 1990. Lib. XI. Cap. CLI. P. 709-711.

Аспект отражения роскоши как «женского» неблагочестия в мифологизированной исторической памяти был весьма силен. Богатый исторический материал позволяет строить самые неоднозначные предположения о характере законов против излишеств (в том, что касается трат на женские одеяния).

В некоторых случаях исторический контекст подсказывает исследователю рассматривать сумптуарии как предтечу законодательства против старой знати, либо в других примерах — видеть в них отражение новой статусной идеологии переходной эпохи.

Второе предположение кажется более обоснованным для более поздних примеров сумптуарного закона, когда категория *milites*, прежде ущемленная пополанским законодательством, со временем освобождалась от действия законов против роскоши (например, уже упомянутая городская община-коммуна Сиены в период Треченто).

Связь статуса и затрат на роскошь (*sumptus*) в эпоху Ренессанса обладает рядом особенностей. Самое простое наблюдение, которое можно сделать: линия развития сумптуариев характеризуется чисто количественным приращением — увеличением попыток борьбы с излишествами при тех же объектах регламентации. Что касается рассматриваемых законами субъектов, носителей определенных привилегий и свобод, то здесь необходимо сделать несколько замечаний. Особенности сумптуариев в отношении категории *milites* при этом сохраняется, как и особое положение женщин. Именно одежды и украшения женщин мы видим в качестве постоянного объекта регламентации со стороны законодателей, но при этом не стоит забывать, что даже в вольнолюбивую эпоху Ренессанса, женщины являются своеобразным ретранслятором статусных достижений рода, скорее, чем демонстрируют личные амбиции.

Эпоха Черной смерти, вопреки ожиданиям, в какой-то мере теряет интерес к законодательной борьбе против излишеств, в то время, как морализаторские и даже эсхатологические настроения растут в обществе, прежде всего в образованных кругах общины. Однако это отсутствие законодательных инициатив вполне объяснимо спадом социальной напряженности после демографического истощения городов. В дальнейшем же, как эхо — на памяти второго-третьего поколения выживших после эпидемии, — законы против роскоши, которые ранее принимались *ad hoc* (по определенному поводу), ста-

новятся настолько массовым явлением, что теряют индивидуализированные черты принадлежности той или иной общине.

Итак, в XV в. законы против роскоши становятся привычной нормой, а не нововведением, каким это казалось прежде. Поэтому нас преимущественно интересует период до XV в. — как отражение или часть реакции на новые явления в стратификации социума, а последующий массовый этап — как индикатор «эха» кризисного переломного этапа в развитии *civitas*. На разных этапах существования *civitas* средневековья реактуализируются различные (хотя и далеко не все) аспекты развития *civitas* Античности. Думается, что поскольку в отношении континуитета коммуны нет и, видимо, не может быть в настоящее время выработано четких и общепризнанных заключений, то и континуитет сумптуарного законодательства может быть признан не более чем в качестве схоластической конструкции.

Резонно ограничиться констатацией того факта, что почти все заметные поселения и общины итальянских земель, получившие статус *civitas* в средневековье, т.е. ставшие итальянскими коммунами, вели отсчет своей истории от античных городов (хотя неоспоримо и то, что некоторые средневековые европейские коммуны отнюдь не имели античных предшественников). И точно так же сумптуарии возникали и актуализировались вновь именно в тех центрах, которые развивались на месте античных городов.

Что касается особенностей борьбы против роскоши *civitas* средневековья, то основным отличием от положения дел в Древнем Риме как будто должно быть отсутствие постоянного вмешательства (как и поддержки) центральной власти в дела и траты общины.

Естественно, меняются некие объекты просто в связи с изменением костюма и моды. Иногда эти на первый взгляд мелкие объекты (пуговицы, застежки) знаменуют собой переворот в отношении к телу и поведению в обществе (крой одежды с выточками, закрепление ткани пуговицами так, что возникает силуэт и контур тела). Возможно, раздражение по поводу этого нового стиля поведения переносилось на вспомогательное средство — пуговицы, а ощущение нового образа жизни выражалось в акцентировании этих деталей, превращении функционального атрибута одежды в украшение.

Также меняются виды ограничительных норм, и в связи с особенностями социальной стратификации в средневековье послабления получают другие группы, например медики или судьи в средне-

вековье пользуется особым статусом, как всадники или сенаторы в Риме. Иное сочетание светского и сакрального в средневековье диктует некоторые особенности сумптуарного законодательства (в землях Церкви). В таком университетском центре (прежде всего, центре изучения права) как Болонья исключения делались не только для жен рыцарей, но и для докторов наук: по статутам Болоньи, составленным нотариумами, принадлежавшими к тому самому слою, который получал привилегии (1389 г.)¹⁹.

* * *

Предложенные размышления представляют собой попытку анализа подходов к изучению темы роскошь и традиция *civitas*. Таким образом, все это — рефлексивный пролог к проекту исследования, и в силу этого окончательные выводы на данном этапе не предполагаются. Однако необходимо суммировать некоторые положения в кратких заключительных ремарках.

Что является выражением роскоши, что означает приобретение предметов роскоши в том или ином обществе, каким образом демонстрация роскоши указывает на статусные различия членов одной общины, как и отчего меняется отношение к излишествам и роскоши, каким образом право регулирует и отражает бытующее отношение к роскоши? Все эти вопросы интересны специалистам различных дисциплин — культурной антропологии, социальной истории, истории идей и правоведения, исторической психологии и культурологии. Интересны эти вопросы и досужим обывателям, особенно в те моменты, когда в обществе зреют настроения социального конфликта, попыток укрепления существующей системы или, наоборот, изменения иерархии общества, перераспределения доходов и преодоления неравенства и других статусных характеристик.

Можно предположить, что роскошь как статус — представление стабильной эпохи. Не роскошь, а нарушение статуса — преступление в глазах современников и членов общины в такие моменты истории. Роскошь как подрыв общественных устоев — такое представление складывается в кризисные и переломные эпохи.

В античности происходит складывание двойственной идеологии борьбы против роскоши для стимулирования общественных ин-

¹⁹ *Muzzarelli M. G. Gli inganni delle apparenze. Torino, 1996 (Глава “Tre secoli della normative suntuaria bolognese”).*

тересов против частных, например, регламентация частных пиров и собраний в пользу публичной жизни на Форуме. Но частично законы против роскоши становились даже орудием против демографического кризиса (стимуляция брака разрешением на украшения, запрет на украшения из жемчуга для бездетных и безбрачных). Это как бы полисная, республиканская идеология борьбы с роскошью.

Есть в античном наследии и другая струя, направленная на борьбу с роскошью — как с излишними тратами общины, с точки зрения центральной власти. Этот концепт роскоши как излишних общественных трат вступает в свои права в поздний, имперский период существования римской государственности.

Для средневековья в целом актуальны оба мотива. В централизованных королевствах, естественно, должен был актуализироваться мотив регулирования издержек локальных общин центральной властью. В Италии же, в ее городах-государствах большей популярностью должен был пользоваться первый мотив — полисной идеологии. И только с подчинением городом других общин округи мог вступить в силу иной смысл запретов на роскошь. Но и при развитии борьбы с роскошью в духе традиционной раннереспубликанской морали вопросы статусного различия оставались весьма влиятельными.

В итальянском средневековье мы можем отметить собственно ограничение блеска и роскоши только в отдельных демократических коммунах в рамках анти-магнатского законодательства. И это не магистральная линия. Даже в рамках этих законов послабления для старинной родовой знати в Тоскане отмечались. В основном практиковался запрет на демонстрацию завышенного статуса и подчеркивание статусных различий. Только частично эти запреты отражали попытки ограничения непроизводительных трат коммуны.

Вопрос о ре-актуализации борьбы с роскошью в рамках закона является отличительным признаком развития именно *цивитас* Италии, несмотря на то, что Запад и Восток христианского мира в этот момент обладали равным наследием и возможностями в области осмысления опыта античности и рецепции римского права. Показательно, что и внешние обстоятельства — влияние памяти о «Черной смерти» во втором-третьем поколении, которое, на мой взгляд, играло значительную роль в массовом воспроизводстве законов против роскоши, наличествовавшие в истории Византии, имели своим след-

ствием лишь усиление морализаторских усилий, а не правовые меры, направленные на обуздание роскоши.

Итак, мы проследили сложную систему взаимодействия социальных полей, рассматривая развитие законов против роскоши как особый маркер динамики социальных процессов, связанных с развитием *цивитас*. Важные особенности организации общины и ее институтов, формирования элиты этой общины, понимания права в тот или иной период в различных социумах становятся более рельефно выраженными (а иногда и более понятными) при рассмотрении темы “роскошь и отношение к избыточным тратам и роскошному образу жизни и демонстрации богатств”. Особый способ осмысления *сумптуарного права* — это попытки проследить влияние, преемственность идеи или даже простые отсылки и упоминания законов против роскоши — от древних римских писателей и законодателей к философам Нового времени, таким как Монтень²⁰ или Монтескье²¹. Следует отметить, что от древнеримского времени тексты самих законов против роскоши в оригинальном виде не сохранились. Содержание *leges sumptuariae* известно, в подавляющем большинстве случаев, благодаря нарративным источникам, а не правовым.

Хотя тексты самих *leges sumptuariae* не сохранились, тем менее, именно на законы против роскоши Древнего Рима ссылались мыслители Нового времени. Естественно, несмотря на утрату оригиналов сохранились источники, которые отражали борьбу с роскошью, с расходами на удовольствия (*impensae voluptariae*), например, эпиграфические источники. Но дело в том, что с такими источниками не были знакомы не только Монтень или Монтескье, отдавшие дань внимания традиции законов против роскоши, но и средневековые юристы и представители средневековых *цивитас-коммун*, которые пользовались и идеей, и термином *leges sumptuariae*.

²⁰ Монтень. *Опыты*. Глава XLIII. О законах против роскоши.

²¹ Монтескье *Ш. Л.* О духе законов, или Об отношениях, в которых законы должны находиться к устройству каждого правления, к нравам, климату, религии, торговле и т.д., к чему автор прибавил новые исследования о законах римских, касающихся наследования, о законах французских и о законах феодальных. Книга VII. Влияние различных принципов трех видов правления на роскошь, законы против роскоши и на подавление женщин.

Что касается периода средневековья, XIII столетия, когда мы можем зарегистрировать первую волну законов против роскоши (единственное исключение — законы середины XII в.) и века Ренессанса, когда *leges sumptuariae* становятся действительно массовыми, то они прекрасно сохранились во всем своем внушительном объеме по сей день, но, как будто, не оказали такого существенного влияния на европейскую мысль, как античные меры борьбы с роскошью.

Таким образом, мы без сомнения имеем дело с обычной для эпохи Просвещения мифологизацией античной традиции и преувеличением роли римской *цивитас* по сравнению с успехами развития *цивитас* средневековья, с созданием мифа о вольнолюбивой античной общине, преследующей роскошь как антитезу гражданским добродетелям. Итак, следует соотносить влияние средневековых законов против роскоши с силой влияния образа *цивитас* средневековья в исторической мифологии и даже научной историографии.

Поскольку итальянская городская община воспринималась через призму мифа о Великой Античности как бледное подобие римской *цивитас*, та же картина долгое время господствовала в сфере отражения роли средневековых *сумптуариев*, которые составили богатое правовое наследие и пышный круг исторических источников, но в мифологии исторической памяти остались лишь шлейфом утраченных римских *сумптуариев*. Также возможно заключить, что в восприятии Нового времени тень церковно-морализаторских установок средневековья падала и на светское законодательство и затуманивало его. На мой взгляд, эти способы восприятия роскоши и борьбы с демонстрацией роскошного образа жизни и излишними тратами не являются единым идеологическим целым, подобно тому, как светская гуманистическая благотворительность эпохи Ренессанса является отдельной струей развития социального милосердия по отношению к благотворительности церковной, и должны быть различаемы исследователями как принципиально различные подходы к попечению о слабых членах социума.

Таким образом, постановка вопроса о светской традиции законов против роскоши и ее континуитете является методологически важной как для изучения отражений кризисов переломных эпох в социальных институтах, так и для преодоления некоторых интенций мифологизации исторической памяти.